

из Греции осуществилась чудесным образом. В последнюю минуту к билетной кассе подбежал юноша, купивший билет для себя и для незнакомого бродяги, безмолвно стоящего возле кассы. Таким образом этот бродяга — Боков — благополучно добрался до места назначения.

Второй раз свершилось нечто похожее, большое участие в этом «чуде» приняла греческая юродивая, по имени Мария. Она подвела безденежного странника к компании и, указав на какого-то человека, сказала: «Этот». В итоге человек, на которого она указала, поселил бродягу у себя, а потом снабдил деньгами (десять тысяч драхм!) для морского путешествия. Впоследствии герой выяснил, что его «благодетель» никогда до того Марию не видел. Конец этого текста («Билет в Святую землю») замечателен. Осчастливленный паломник с бьющимся сердцем поднимается на палубу, «еще опасаясь немного, что передумают, схватят, вышлют». С палубы он замечает маленькую знакомую фигурку, идущую по берегу, и машет ей рукой, и кричит прощальные слова, но ветер относит их в сторону. Дальше — слово автору: «И вдруг вижу, как женщина поднимает руку в благословляющем жесте. Она даже снимает косынку. Она машет черной косынкой. Таинственная Мария, завершающая ей одной известную миссию. Прекрасная Мария. И глаза мне щиплет и жжет. Прощай, Эллада. Афины, прощайте. Иерусалим, спасибо за это стремление к тебе».

Ни в одном из этих восклицаний нет восклицательного знака. Автор умеряет интонацию, утишает звук, чтобы не сфальшивить, не впасть в декламацию. Высокие чувства боятся профанации. Ясно, что гречанка Мария какой-то частицей связана в сознании странника с Марией-дочерью, оставленной во Франции, а от них обеих тянется ниточка к их небесной покровительнице, Деве Марии.

Книга прочитана, и мы снова возвращаемся к ее названию. Что же, собственно, такое эта «Зона ответа»? Трудно ответить за автора, но мне кажется, что Николай Боков имеет здесь в виду свою *ответственность* за происходящее с ним и с его близкими. Мы все находимся в этой зоне, и однажды нам всем придется держать — каждому свой — ответ. Спасибо автору, напомнившему нам об этом!

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

НЕ МУДРСТВУЯ ЛУКАВО

Борис Брохович. Серпантин событий. Озерск, 2016; подготовили к изданию Б. Н. Еняков, Н. Б. Брохович, А. В. Попова.

В моем романе «И нет им воздаяния» есть такая сцена: главный герой на крыльце магазина подержанной книги выброшенную книжку «Они ковали щит Родины» с мучительно знакомой бородой на истрепанной бумажной обложке. Это был Курчатова, издание третье, переработанное и дополненное. Герой раскрыл книжку на случайной странице и прочел: «Требовательный к себе и другим, крупный государственный деятель, борец за мир, верный сын Коммунистической партии». Преодолев отвращение, он стал читать дальше, но не нашел ни признака жизни, один упорный труд, ответственность перед партией и народом... И хоть бы слово, что это была за ответственность — на правительственной машине ехать в Кремль и не знать, получишь там золотую звезду на грудь или свинцовую пулю в затылок. И ни одной

аварии, ни одного облучения — партия приказала, ученые, инженеры и рабочие исполнили. Так в чем же был их подвиг, если все было так гладко?

Для того же романа я прочел не менее полуметра «жэзэловских» биографий видных создателей советского оружия, благодаря которому мы выиграли войну, и едва наскреб на пару абзацев живых и драматических деталей, а сами герои были словно отштампованы одним станком: все ответственные, дисциплинированные и верные сыны партии. Если бы какой-то злодей пожелал убить память об этих героях, то и он не придумал бы более изощренной казни — превратить живых людей в болванки и утопить в сиропе. Поэтому я был счастлив, когда в музее легендарного комбината города Озерска (Челябинск-65), где в середине сороковых начали вырабатывать первый оружейный плутоний, мне подарили книгу не менее легендарного директора Бориса Броховича «Серпантин событий» (Озерск, 2016; подготовили к изданию Б. Н. Ентяков, Н. Б. Брохович, А. В. Попова), выпущенную к столетию со дня его рождения.

Биография Бориса Васильевича самая что ни на есть образцово советская: родился на Псковщине в семье военного фельдшера и медсестры, в ФЗУ получил специальность слесаря и помощника машиниста, успел поработать, в 1941-м окончил энергетический факультет Томского индустриального, до 1946-го проработал на Челябинском ферросплавном («Все для фронта, все для победы!») как инженер-электрик, выросши с помощника мастера до начальника электроцеха, а в октябре 1946-го был направлен на строящийся завод 817, где начал с отдела оборудования, а закончил директором производственного объединения «Маяк», лауреатом Ленинской и Государственной премий, Героем Социалистического Труда, а орденов и медалей и не перечислить. При этом он ухитрился не набраться важности и казенных представлений, что героическая эпопея должна быть отлакирована до полной неразличимости того, что там было на самом деле. Поэтому прошу не упрекать меня, но, напротив, благодарить за избыточное цитирование: я не уверен, что эта замечательная книга доберется из Озерска до сколько-нибудь значительного числа читателей.

Итак, явление героя.

В 1947 году на площадку Базы-10 — Челябинск-40 — для выбора места будущего завода «В» Игорь Васильевич Курчатов прибыл в составе комиссии, возглавляемой генералом Кругловым, «доросшим» до министра МВД через личную охрану Сталина. На станции Татыш их встретил идеально одетый и подтянутый командир базы, который на грубые требования Круглова все ему рассказать и показать четко и вежливо отвечал, что для этого он должен получить указания «военно-морского министра», а таковых не имеется.

«Обстановка накалялась. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то подтолкнул в бок. Я посмотрел и увидел напряженное лицо Игоря Васильевича. Мне показалось, что Игорь Васильевич переживает за подполковника, сочувствует ему, что он поведением Круглова, бывшего служащего охраны Сталина, поставлен в неравноправное положение». А когда начальство отбыло, «Игорь Васильевич, улучив минутку, сказал мне: „Каков офицер! Как умеет себя с достоинством держать! Учись!“ — такая вот была у нас «страна рабов».

«Игорь Васильевич был в темном костюме, в шляпе, на ногах — кирзовые сапоги с заправленными в них брюками и на плечах ватная тужурка» — такие вот у нас были «ватники».

«Мне он показался по-мужски очень красивым, с чуть седеющей бородой, а его легкий толчок в бок и фраза о достоинстве офицера и умении себя держать являлось сутью самого Игоря Васильевича, его глубочайшей порядочностью.

Приехали обратно в город, на вокзал, вышли из мотовоза и попрощались. Я в эту первую встречу, пробыв с Игорем Васильевичем несколько часов, почувствовал к нему величайшее уважение и симпатию, смог его внимательно рассмотреть и составить о нем хорошее мнение на всю последующую жизнь. С этого момента я считал себя знакомым с Курчатовым и стал здороваться с ним. И в ответ на приветствие: «Здравствуйте, Игорь Васильевич» всегда чувствовал со стороны Игоря Васильевича доброжелательное, уважительное отношение к себе, его улыбку на лице и ответ: „Здравствуйте, Борис Васильевич“, которых так не хватало нам. Да, наверно, и мало исходило от нас самих».

Через полвека вспоминать улыбку начальства — для этого требуется не только начальство особенное, но и фон особенный.

Начальство — «могучая кучка»: Ванников, Курчатов, Славский, Александров (будущий президент Академии наук) — размещались в охраняемом коттедже, носившем нежное имя «Березки».

«Питалось приезжее руководство в столовой ИТР, где была отдельная небольшая комната. В домике сложилась непринужденная обстановка и удивительно мягкий микроклимат, чувствовалась теплота отношений и большая забота друг о друге. Обстановка оживлялась дружескими розыгрышами и хохмами, остроумием Игоря Васильевича и Ванникова. Обстановка была суровой и напряженной, если не сказать больше.

Верхнее руководство в лице Берия, его методы управления и контроля не помогли. Продолжалось отставание строительства, несмотря на снятие с работы начальника строительства генерал-майора А. Д. Рапопорта и директора завода 817 Е. П. Славского. Усложняли обстановку и работу „могучей кучки“ во главе с Б. Л. Ванниковым и И. В. Курчатовым неувязки в проектах. Каждое техническое решение вырастало в проблему, потому что все делалось впервые».

Авариям в «Серпантине событий» посвящены десятки колоритнейших страниц, для профана, казалось бы, повторяющих друг друга, но накрепко вбивающих в память, что смертельный риск был будничным хлебом создателей ядерного оружия. А разнообразие опаснейших сюрпризов было таково, что решения по их преодолению никак не могли быть «выкрадены», — иначе все эти проблемы просто не возникли бы.

«Основываясь на рассмотрении конструкций реакторов, качестве урановой продукции, знании ядерных процессов, поведении используемых материалов, обеспечении техники безопасности, дефектов проектов, личном общении с учеными, я должен выразить не только очень большое сомнение в том, что нам все выкрали, и даже полную уверенность, что так не было и не могло быть.

Объем необходимой для решения проблемы информации, разносторонность и количество ее таковы, что это не под силу добыть десятку самых выдающихся ученых, фанатиков и бессребреников, считавших своим долгом помочь СССР в ликвидации монополии США в атомном оружии».

К слову сказать, сразу же после успеха Манхэттенского проекта великий Нильс Бор принялся убеждать сначала Рузвельта, а потом Черчилля немедленно поделиться атомными секретами со Сталиным для поддержания силового равновесия и дальнейшего взаимного контроля. Однако Рузвельт вскорости отправился на тот свет, а Черчилль потребовал пригрозить Бору арестом или, по крайней мере, открыть ему глаза на то, что он «находится на грани государственного преступления». Ведь большие политики — большие прагматики, и результат этой государственной мудрости показал себя уже в ближайшие годы: Советский Союз предельным напряжением сил создал свою атомную бомбу, но вышел из этой гонки обоз-

ленным, проникнутым уверенностью, что спасти себя от новой сверх-Хиросимы он может лишь при помощи равновесия страха. Товарищу Сталину неизменно ставят в заслугу создание атомной бомбы, но никому не приходит в голову сказать спасибо и товарищу Черчиллю.

Далее к техническим проблемам, как это ни соблазнительно, я возвращаться не буду, но в человеческих отношениях жаль упустить любую мелочь, тем более что именно житейских мелочей нашей истории более всего и не хватает.

«Реактор „А“ еще не запущен, положение архисложное, но микроклимат в до-мике и среди „могучей кучки“ поддерживался нормальным. Борис Львович (Ванников. — А. М.) — очень умный и хитрый политик и человек, видевший и перенесший многое при работе со Сталиным в качестве министра вооружения, репрессированный, сидевший в тюрьме и вновь возвращенный в министры боеприпасов и проработавший им всю войну до назначения начальником ПГУ-1 при СМ СССР. Но Борис Львович был очень едкий, слегка каверзный человек, физически большой, особенно по сравнению с Е. П. Славским. Душой же и здесь оставался Игорь Васильевич.

...В присутствии Курчатова, как правило, не ругались матом, даже такой виртуоз, как Славский, сдерживался и не кричал, не разносил подчиненных. Крикливые споры стихали. И все приходило в более мирное русло. Он был человеком, присутствие которого облагораживало окружающих. Я был свидетелем, когда Игорю Васильевичу приходилось давать поручения или требовать выполнения работ и от маститых академиков, имевших свои школы и большой круг учеников, и от докторов наук, имевших большой «вес», но по тем или другим причинам не выполнявших или своевременно не выполнявших поручение, которое действительно нужно было сделать. Это были А. И. Алиханов, А. П. Виноградов.

Как мне запомнилось, у Игоря Васильевича не сходила с лица улыбка, но лицо слегка вытягивалось. Становилось напряженным. Оппонент, как правило, горячился, оправдывался, в этом состоянии говорил много лишнего, но Игорь Васильевич внимательно слушал. Не перебивал. А затем опять возвращался к нему: „Но как же быть, скажите?“ И, в конце концов, тот соглашался, называл сроки и, главное, делал. Но это дорого стоило Игорю Васильевичу».

Может быть, именно перенапряжением объяснялся совершенно подростковый характер взаимных розыгрышей этих титанов. То Ванникову на рыбалке попадается большой окунь, и генерал-министр составляет об этом акт приемки с подписями, чтобы в его удачу поверил «Борода». То Курчатова в гардеробе прибывает к полу галоши Ванникова. То Славский в банный день приказывает дежурной отправиться в ванную проследить за Курчатовым, чтобы его не убило током от электрической плитки...

Но вот каким увидел его инженер Л. Алехин после очередного срыва: «Последний раз я видел его в приезд Берии. Он очень волновался. Берия ему делал замечания: „Вот вы не хотели ехать со мной, а видите, какие тут беспорядки“. Дело в том, что к этому времени неустойчиво работала панель температуры. Берия ругался. Руки у Игоря Васильевича дрожали».

Это Берия еще сдерживал себя. Однажды он начал разносить начальника снабжения за то, что тот не мог выбить какие-то лампочки, — и вдруг возмутился: «Что вы на меня смотрите сверху вниз?» — тот был ростом за метр девяносто. И несчастный великан полуприсел, чтобы оказаться с начальством на одном уровне.

Низы ругаться не могли, позволяли себе только подтрунивать. Когда обслуживающему персоналу реактора не понравились маленькие лебедки, установленные по распоряжению Курчатова, их стали называть хивами — хреновинами Игоря Васильевича.

«Парикмахер Люба Журавлева вспоминала: ее пригласили на дачу „КС“ в коттедж подстричь Игоря Васильевича и Ефима Павловича. Дача на берегу Иртыша. Она пришла, стала подстригать Игоря Васильевича, а Ефим Павлович стал хулиганить. Облил его водой. Игорь Васильевич рассмеялся, а когда Люба стала брить Ефима Павловича, вылил на него воду из графина. Я спросил у Любы: „Правда, что у Игоря Васильевича была большая, густая борода?“. Люба ответила: „Да не, реденькая, мы ее пушили!“»

Розыгрыши случались и более забавные. Спрятанные брюки академика Александрова, из-за которых тот был вынужден ходить по отдельному вагону в калсо-нах, завернувшись в одеяло, — это, конечно, не самый высший сорт. Но когда к великому металлостроителю академику Бочвару отправили в номер пожилую коридорную, уверив ее, что это его горячая просьба, — это уже гораздо забавнее. Но когда вду-маешься, что эти люди могли шутить с петлей на шее, — уважение к ним возрастает десятикратно.

Этот образ — петля на шее — принадлежит самому Броховичу, отнюдь не склон-ному к пафосу. Но когда в уже принятом реакторе возник непредвиденный «козел» (так в доменном деле называют застывший в печи металл), с которым было непонят-но, что делать, Брохович совершенно правильно читает мысли Берии и еще бо-лее высокой власти, выделяя их даже жирным шрифтом: **«Не пора ли Курчатова и К призвать к ответу! А может, пустить в расход? Если бы это только было выходом из положения, то это было бы сделано без промедления».**

«Курчатов работает с петлей на шее».

И мимоходом рассказанная история любви с петлей на шее: Курчатов даже в эти дни любил посидеть за спиной очень интересной девушки Л. — инженера управления. Разумеется, при его внешних данных, обаянии и заоблачном автори-тете он не был обойден вниманием женского пола, и Л. ему тоже поддалась. Один из охранников, «духов», даже устроил для них встречу с шампанским в присут-ствии ее подруги, но — «ни она, ни Игорь Васильевич не могли пойти на какие-то грязные, бесчестные поступки». А потом он по делам уехал в Москву, а она вышла замуж за своего сверстника. Но через год-полтора Курчатов снова приехал на пло-щадку и, не удержавшись, зашел к ней домой. На звонок она вышла сама с младен-цем на руках. Он спросил, не нужно ли чего. Она ответила: не нужно, а из квар-тиры слышались голоса подвыпивших мужчин.

Эту грустную историю Брохович заканчивает так.

«Игорь Васильевич вздохнул, загрустил, поняв, что исчезла навсегда и послед-няя надежда обзавестись в семье детьми, а поступи он иначе, малыш мог бы быть и его сыном, и жизнь могла быть совершенно другой.

Постоянное наличие влаги в кладке реактора „А“ из-за неудачной конструкции вентиляции и попадания воды из „козловых“ ячеек привело к электрохимической коррозии авиалековых труб, течи их и наличию в кладке такого количества воды, что реактор заглох, но уже из-за недостатка реактивности».

Б. Брохович не ограничился звездами первой величины, он написал и о десят-ках специалистов, к каждому рассказу приложив фотографию. Его добросовестно-стью можно только восхищаться, но это уже пантеон отраслевого значения. И это за-мечательно, что у атомной эпопеи нашелся столь искренний и преданный летописец.

Александр МЕЛИХОВ